



Часть первая

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

Довоенное детство, или Неизведенный

Олег Табаков родился 17 августа 1935 года в Саратове в семье врачей (в его родословной намешано четыре крови: русская, мордовская по отцу, украинская и польская по матери). На момент рождения сына его отцу, Павлу Кондратьевичу Табакову, было тридцать два года, а матери, Марии Андреевне Березовской, на год меньше. Причем у каждого из них за плечами уже было не по одному браку. У матери нашего героя он был уже третьим по счету, у отца — вторым. И у каждого из них уже было по ребенку: у нее — дочь Мирра, у него — сын Женя. Поэтому скорое рождение очередного отпрыска в их планы явно не входило. Больше всего этого не желала Мария Андреевна, которая в ту пору училась на 5-м курсе медицинского факультета и мечтала закончить институт. А тут вдруг эта неожиданная беременность. В итоге от ребенка решено было избавиться. В ту пору сделать аборт еще не считалось преступлением (запретят их только через год), поэтому именно в 1935 году в этом деле случится небывалый всплеск — количество абортотворений в стране достигнет отметки в 1,9 миллионов. В это число должен был войти и аборт Марии Табаковой. Случись это — и не было бы на свете ни знаменитого артиста Олега Табакова, ни этой книги. Но судьбе было угодно, чтобы случилось противоположное. Как верно заметит много позже сам герой нашего повествования:

«Меня старались, как бы это сказать... извести. Но не тут-то было. Поэтому живучесть, бойкость и развитый инстинкт самосохранения считаю своими врожденными качествами...»



Первые детские воспоминания у Табакова относятся к раннему детству — к трем-четырем годам. И, как и полагается, эти воспоминания сплошь светлые. Ведь окружали его любящие люди: мама, папа, две бабушки — Оля и Аня, мамин брат дядя Толя и его жена Шура, сводные брат и сестра — Женя и Мирра. По словам О. Табакова:

«Мы жили в коммуналке на втором этаже так называемого “бродтовского” дома на углу Мирного переулка и улицы 20 лет ВЛКСМ, ныне опять Большой Казачьей. Когда-то дом принадлежал известному саратовскому врачу, доктору Бродту. После революции его, естественно, реквизируют и устроили коммуналки. Квартира наша состояла из семи комнат... В последней жили мы: мама, я и Мирра (дочь Марии Андреевны от первого брака. — *Ф.Р.*)»

Мама владела огромной комнатой в сорок пять метров, а отцу, по стечению обстоятельств, удалось заполучить двадцатиметровую комнату за стеной. Входы в родительские квартиры были через разные подъезды, поэтому их комнаты сообщались... через книжный шкаф. На верхних полках стояли книги, а внизу была дыра, через которую я свободно дефилировал из комнаты в комнату.

Меня почему-то очень манило пространство под лестницей в подъезде, ведущей с первого на второй этаж. Быть может, потому, что летом в Саратове очень жарко, а там было прохладно. Бабушка Оля постоянно твердила: “Леленька, нельзя выходить из дома, когда темно. Там шпана под лестницей”. Шпаны, конечно, у нас в доме не водилось. Иногда жена не пускала пьяного соседа домой, и он ночевал там. Отчетливо помню, как позже уже сам говорил кому-то из приятелей: “Туда низя, там сапана под лестницей...”»

Война: первая любовь и дебют на сцене

Детство будущего актера протекало так же, как и детство миллионов советских мальчишек военной и послевоенной поры, да еще из простых семей: босо и голодно. Особенно тя-



Олег Табаков в молодости



жело было в войну, начало которой Табаков застал в шестилетнем возрасте. Уже в июне 1941 года его отец ушел добровольцем на фронт — стал начальником военно-санитарного поезда № 87. Объездил почти все фронты. Был на Кавказе, на Южной Украине, под Сталинградом, в Румынии. Поезд перевозил раненых с передовой в тыл, нередко становясь мишенью для воздушных бомбардировок.

Вообще вся семья Табаковых была насквозь медицинской. Врачи — отец, мама (в войну она была капитаном медицинской службы, работала в эвакогоспитале под Волгоградом), тетя Шура. В медицину пошли двоюродный брат Олега Сергей, а также сводный брат Женя, сестры Мирра, Люся, Наташа. И их дети — тоже.

В конце 1942 года мама Табакова заболела брюшным тифом и едва не умерла. А когда все-таки выкарабкалась из инфекции, все равно из-за истощения долго не могла встать на ноги, потому что каждый появляющийся в доме съестной кусочек она совала сыну или дочери Мирре. И только когда приходила баба Катя (мать тети Шуры) и приносила в кастрюльке бульон, сваренный из четверти курицы, мама съедала его сама, поскольку баба Катя сидела рядом и не давала ей делиться с детьми.

Между тем еще в четырехлетнем возрасте Олег научился читать и в войну только и делал, что все свободное время посвящал чтению. В те годы он прочитал «Мертвые души» Николая Гоголя, «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, «Стальной коготь» Эль Регистана (соавтор С. Михалкова по гимну СССР), сочинения Шиллера, а также жизнеописания Суворова, Кутузова, Багратиона, Барклая де Толли, Нахимова, Корнилова, Синявина, Макарова. Последние книги были еще марксовские, дореволюционные, очень красочные издания.

Чтобы мама Табакова поскорее поправилась, его дядя сестру... в действующую армию, где давали пайки, и у Марии Андреевны появилась возможность кормить сына с дочкой. Весной 1943 года она увезла их из Саратова в городок Эльтон на одноименном озере, расположенном на севере Прикаспийской низменности, откуда только что отогнали немцев. Там, в госпитале



№ 4157 (мама Табакова работала врачом-терапевтом), они проживут два года.

Кстати, именно там герой нашего рассказа испытал муки первой любви и впервые вышел на сцену. Как это было?

В возрасте восьми лет Табаков отправился в первый класс эльтонской школы. И его соседкой по парте была Маруся Кантемирова, с которой они вдвоем читали одну книжку — немецкую сказку «Розочка и Беляночка». Вот во время этих совместных чтений Табаков и влюбился в свою соседку. Однако без взаимности.

А что касается сценического дебюта, то он случился... в больничной палате, где Табаков выступал перед ранеными солдатами. Ему доверили маленькую роль в довольно грубом военном скетче, где у него была всего одна фраза: «Папа, подари мне пистолет!» Эту реплику он и канючил на всевозможные лады в каждом спектакле, в чем весьма и преуспел, судя по тем аплодисментам, которыми его одаривали раненые советские солдаты.

Уход отца

Тогда же юный Табаков испытал и первую в жизни потерю. В 1945 году умерла его баба Оля. Наверное, самый дорогой для него человек. Ведь это именно она приняла его из роддома, полуживого, паршивого, всего в диатезе, и выходила. Она была его главной заступницей. Если вдруг отец — очень редко — поднимал на сына руку, баба Оля всегда заступалась за внука. Еще она постоянно молилась за него, не таясь, у себя за загородкой, хотя иконы в комнате не было — икону ей заменял «красный угол».

Второй потерей для будущего артиста стал уход из семьи отца. В ту пору Олегу было 13 лет. Почему это произошло? Может быть, потому, что мама Табакова решила остаться с детьми в Саратове и не поехала с мужем на фронт, хотя тот очень желал этого. В итоге супруги все сильнее отстранялись друг от друга. И хотя первое время Павел Кондратьевич еще писал жене нежные письма (цитируя в них наизусть любимого Пушкина), то постепенно письма стали приходить все реже и реже. А когда отец



Табакова устал от холостой жизни, он нашел себе другую женщину — Лидию Степановну, которой на тот момент было чуть больше двадцати, а Павлу Кондратьевичу в конце войны шел 41-й год (в общей сложности у него будет пять жен!). Но, даже несмотря на это, его сын пронесет через всю свою жизнь любовь и уважение к отцу. По словам О. Табакова:

«И по сей день отец остается одной из самых значимых человеческих фигур в моей жизни.

Деловые свойства — работоспособность, организованность, умение многое держать в голове и очень редко ошибаться, — конечно, унаследованы мною от него. Отец был, по сути дела, русским интеллигентом в первом поколении. Что-то чеховское было в основе его жизненной философии, его нравственности. Ирония как душевная потребность, самоирония как броня и защита от внешнего мира, а с другой стороны, как чрезвычайно продуктивный творческий метод — все подвергать сомнению. Человеческое достоинство он умудрялся не терять ни в повседневной жизни, ни на войне. Умница, спортсмен, хороший шахматист, он был тем самым аккумулятором, от которого заводились люди, машины, женщины и дети... Вспоминая о его способности увлеченно и доступно говорить о химии, его ночные беседы с моим старшим сыном Антоном, я с горечью думаю: Господи, как же у него не дошли руки написать что-то увлекательное для детей и юношества...

И пусть на жизненном пути он, может быть, достиг не слишком больших успехов, это вовсе для меня не есть показатель его потенциала. Потенциал отца был в удивительной трезвости суждений. Он никогда не говорил о том, чего не знал. Я даже не могу себе представить его, суесловящим на темы, которые, ну как бы это сказать, не входили бы в сферу его компетентности. И наоборот: мера его компетентности в своей профессии была очень высока. Ну не зря же сотрудники говорили: “Если чего не знаете, спросите у Павла Кондратьевича”. Все, кто хотя бы немного общался с отцом, называли его “живой энциклопедией” — так велик и точен был объем его знаний. Господи, как бы я хотел пожелать сыновьям своим успеть насытиться мною,



ибо чем дольше я живу, тем больше понимаю, как мало я был с отцом — и с матерью тоже, но с отцом особенно. И если было у кого поучиться человеческому достоинству, то прежде всего у него. Судьба посылала ему серьезные испытания, и нельзя сказать, что его жизненный путь был составлен из одних побед — нет, но, наверное, было что-то магическое в этом человеке, что, по сути дела, и есть человеческий талант...»

Мимо шпаны в театр

После ухода отца Табаков-младший едва не погиб. По его же словам:

«Помню, как в конце сороковых годов ехал по Саратову на подножке трамвая № 6, как раз мимо кинотеатра “Ударник”. Трамвай разогнался, и вдруг я почувствовал, что правая нога соскальзывает вниз, под колеса. Все могло кончиться самым печальным образом, если бы не железная рука неизвестного майора, вдруг втащившая меня, как щенка, за шиворот обратно в трамвай...»

Между тем, оставшись без строгого отцовского присмотра, наш герой довольно скоро нашел себе друзей среди местной шпаны. Явление, в общем-то, весьма распространенное в те годы. Многие мальчишки, познавшие горечь безотцовщины, становились тогда объектом пристального внимания со стороны преступников и легко попадались на их удочку. Не стал исключением и Табаков. И кто знает, как в дальнейшем сложилась бы его судьба, если бы добрые люди не рассказали его матери, с кем связался ее единственный сын. Узнав об этом, мать нашего героя вовремя забила тревогу и сделала все от нее зависящее, чтобы отнять сына у улицы. В один из дней она взяла Олега за руку и решила отвести его в драматическую студию при городском Дворце пионеров. Почему именно туда? Дело в том, что Саратов считался городом театральным и большинство его жителей с трепетом относились к сценическому искусству. Любил театр и Олег. Особенно он обожал местный ТЮЗ, в котором он пересмотрел почти все его постановки, включая «Мо-





лодую гвардию», «Воробьевы горы», «Ее друзья» и др. Видимо, мать прекрасно знала об этом его увлечении, поэтому и привела сына в соответствующий кружок, которым руководила опытный педагог Наталья Иосифовна Сухостав. Кружок назывался... «Молодая гвардия».

По словам самого Табакова, в тот день он прочитал стихотворение А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...», однако это чтение не произвело на Наталью Иосифовну приятного впечатления. Голос у Табакова был тихий, и многих слов слышать было просто невозможно. Брать его в студию с такими данными было не за что, и Сухостав его наверняка бы не взяла. Однако, кроме того, что она была педагогом, она была еще и женщиной, которая, видимо, прекрасно поняла, какая именно нужда привела молодую маму и ее сына в студию. Поэтому ее ответ был положительным.

Став учеником студии (занятия проходили три раза в неделю), Табаков довольно быстро освоился в ее стенах и уже через несколько месяцев стал одним из ведущих актеров, исполнив сразу несколько заметных ролей. Среди них были: Сказочник в пьесе-сказке Е. Шварца «Снежная королева», Ленточкин в пьесе А. Барто «У нас экзамены», Валерий в пьесе С. Михалкова «Красный галстук» (в последнем он играл отрицательную роль — зазнавшегося сынка-эгоиста). Как вспоминает ныне известный адвокат Г. Резник: «С Олегом мы учились в Саратове. Я в 19-й школе, он в 18-й. Он уже тогда был знаменитостью в городе, потому что рано начал демонстрировать артистические способности...»

Кстати, став знаменитым артистом, Табаков никогда не забывал свою первую сценическую учительницу — Наталью Иосифовну Сухостав. Он регулярно посылал ей открытки всех уголков планеты, куда его забрасывала актерская судьба. А когда раз год он навещался в родной Саратов, то обязательно навещал своего педагога в ее коммунальной квартире на улице Дзержинского. И единственное, о чем жалел Табаков — что не смог заставить секретаря Саратовского обкома поменять маленькую неустроенную жилплощадь Натальи Иосифовны на нормальную квартиру.



Жажда публичности

Итак, попав в театральную студию, Табаков быстро там преуспел — стал местной знаменитостью. А все потому, что в нем с юных лет жила ЖАЖДА ПУБЛИЧНОСТИ, которая проснулась в нем довольно рано — лет примерно с одиннадцати. Уже тогда он распахивал окно своей комнаты на втором этаже и скликал народ со всего двора. Зачем? Он спускал им на ниточке игрушки и подарки. И указывал: «Это — вот тебе. А это — тебе!» И делал он это неспроста — он хотел, чтобы вокруг него собиралась АУДИТОРИЯ. Это были люди, над которыми он властвовал, чье внимание приковывал.

Еще у него сизмальства было еще одно важное свойство, без которого очень трудно стать профессиональным актером, — природная память. Поэтому никогда у него не возникало проблем с заучиванием текста. Как рассказывает сам актер:

«Я могу перечислить подряд всех Генеральный секретарей ООН. Или рассказать историю политических переворотов в Бразилии: пятьдесят лет тому назад президент Бразилии Жанио Куадрос порвал со своим правительством. Правительство стало воевать против него. А вице-президент Жоао Гуларт сбежал из страны на корабле. И так далее...»

Наверное, если бы не было у меня верного куска хлеба в театре и кино, мог бы принимать участие во всевозможных телесоревнованиях так называемых эрудитов — людей, отягощенных множеством совершенно ненужных в нормальной жизни знаний. Теперь там весьма приличные призы и гонорары...»

Неравная любовь

В седьмом классе Табаков пережил свою первую НАСТОЯЩУЮ любовь. Коллизия была почти трагическая и... неправдоподобная. Почему? Дело в том, что пассией семиклассника стала... его учительница. Причем об этой неравной любви (учительнице было 34 года, а Табакову — всего 14) в школе многие знали. Это сильно поражало воображение наблюдавших: как так — та-



кая красивая, сексапильная женщина, желанная для всех учеников класса, выбрала объектом своего внимания этого тщедушного, с шеей тридцать пятого размера подростка. К тому же у нее был муж, который служил не кем-нибудь, а являлся сотрудником саратовского горкома. Как вспоминает сам О. Табаков:

«Тут важна очевидность того, что уже в четырнадцать лет я был готов испытать это — любовь, страдание, страсть. Чувство. Ведь мне представлялось, что эта женщина станет моей женой. Рано разбуженная чувственность, предельная эмоциональность, расшатанность нервной системы — все то, что спустя всего несколько лет оказалось столь необходимым в первых шагах актера. Как говорят в Жмеринке, все было подготовлено “из раньше”. Вне живых эмоций нет артиста.

Мне с самых ранних лет было знакомо ощущение “в зобу дыханье сперло”. Когда выступают слезы от избытка чувств. Я ревел, когда Лемешев пел: “Скажите, девушки, подружке вашей, что я ночей не сплю, о ней мечтаю...” От экзальтации чувств. Кто-то скажет: это сентиментальность. Мне кажется иначе. Это растревоженность рано проснувшейся эмоциональной натуры. Как будто кто-то перышком по сердцу скребет нежно-нежно, а ты его подставляешь, подставляешь... А потом уже сам бежишь за этим самым перышком. Не можешь без этого жить. Для меня, как для профессионала, такое засасывающее удовольствие — сцена. А в детстве, в юности, это был поиск чувств. Погоня за эмоцией: “и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет”. Никак не меньше...».

Но что же стало с той неравной любовью? А ничего — она закончилась так же внезапно, как и началась. Хотя сам Табаков в своих воспоминаниях о ее концовке ничего не пишет, что дает повод к тому, чтобы сделать вывод: скелеты в шкафу у этой истории, видимо, остались.

Еврейский отчим, или Двойная жизнь Олега Табакова

Рано пережив страстную любовь, Табаков столь же рано разуверился в... Советской власти. Вот его собственные слова: «Когда мне было четырнадцать лет, мой дядя, дядя Толя, подвел



меня к окну, из которого виден был висящий напротив портрет Иосифа Виссарионовича Сталина, и сказал: “Вот этот слепокий погубил двадцать миллионов жизней”. С тех пор я живу двойной жизнью...»

Помимо дяди в этом направлении Табакова просвещал еще один родственник — его еврейский отчим. Он был архитектором, а звали его Самуил Борисович Клигман (кстати, вторым мужем мамы Табакова тоже был еврей — Гуго Юльевич Гольдштерн, от которого на свет в 1927 году появилась дочь Мирра). Отчим многому научил своего пасынка, многое ему дал. Однако в 1951 году Клигмана арестовали. За что? Он слушал по радио «Голос Америки» и читал газету «Британский союзник». За это его приговорили к лагерному сроку за «попытку свержения советской власти». Таким образом, потеряв отца, Табаков вскоре лишился и отчима. Правда, ненадолго — всего лишь на три года. Но именно в эти годы Табаков едва сам не «загремел» на нары. Видимо, общение с отчимом не прошло для него даром. Поэтому, когда Самуила Борисовича арестовали, это событие произвело на юного Табакова шоковое впечатление. Настолько сильное, что он решил... мстить Советской власти за этот арест. Каким образом? Он загорелся идеей создать подпольную организацию, в которую предложил войти нескольким своим товарищам. Но те отказались. Согласился лишь один, причем он был... евреем — Юрий Гольдман. Идя по стопам декабристов, заговорщики сочинили аналог «Русской правды» Пестеля. Однако осуществить свои мечты — «скинуть» Советскую власть — они не успели, поскольку их быстро разоблачили. Был грандиозный скандал в школе. Учитель физкультуры (он же ее парторг) громыхал в директорском кабинете: «Русский мальчик Табаков не мог сам до такого додуматься! Это все дурное влияние Гольдмана!» На самом деле это было влияние другого человека — табаковского отчима Самуила Борисовича.

Эта история не стала достоянием широкой общественности только по одной причине: руководство школы пожалело мальчишек. Да и себя тоже — ТАКОЙ сор из избы выносить было опасно. В итоге оба заговорщика остались в школе.



Кстати, ни Табаков, ни Гольдман не знали (в СССР об этом молчали), что согласно «Русской правде» должен был быть решен и «еврейский вопрос». Каким образом? Читаем Википедию:

«Интеграция евреев, в силу их национальных и конфессиональных особенностей, рассматривалась как значительная проблема планируемого государства:

“Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для Християн влияния тесной связи Евреями между собою содержимой ими противу Християн направляемой и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей”.

Предлагались два варианта решения этого вопроса. Либо достижение договоренности с представителями еврейской общины: если “Россия не выгоняет Евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к Христианам”. Либо сбор 2 миллионов евреев России и Польши, которому должны быть приданы армейские части, с последующим переселением их на территорию азиатской Турции и созданием там еврейского государства...»

Школьные годы

Итак, Табаков продолжил учебу в мужской средней школе № 18 города Саратова, которая была одной из трех лучших в городе. А самой лучшей считалась та, что напротив — школа № 19, где учились дети большого начальства, «золотая молодежь». К примеру, уже упоминавшийся чуть выше известный адвокат Генри Резник (1938) учился именно там, поскольку у него были соответствующие родители: отец — Марк Израилевич Резник (1905–1969), работал ректором Саратовской консерватории, заведующим отделом культуры Саратовского обкома КПСС, директором музыкальной школы Заводского района Саратова, а мать — Мирра Григорьевна Рафалович (1910–2004), преподавала фортепиано в Саратовской консерватории.

Но вернемся к Олегу Табакову.

Учился он не слишком хорошо, а последние три класса и все перестал учиться, поскольку с головой ушел в театральную





самодеятельность. Химия, физика, математика — все это был для него темный лес. Спасибо Маргарите Владимировне Кузнецовой, классному руководителю, которая, собственно, и тянула Табакова все эти годы и помогла ему окончить школу.

В классе будущего актера любили за то, что он был домашним мальчиком, не особо компанейским. Одни звали его «Алешей», другие — «профессоренком» за его отменную память, которой он козырял направо и налево. Поведение у него всегда было дисциплинированное, и учителя проблем с ним не знали. Проблемы им доставляли совсем другие «герои», про которых сам Табаков вспоминает весьма откровенно:

«Среди нас был парнишка — просто кавалер всех орденов Славы в наших глазах: он прямо в классе баловался онанизмом. Так, чтобы все это видели. И зачем-то это дело еще мазал чернилами. Почище, чем у Феллини будет, у которого в “Амаркорде” просто автомобиль дрожит. Всем было неловко, но смешно. Мы восхищались его отвагой, его беззастенчивой шкодливостью, смелостью, которая мне лично была неведома. Однажды за этим занятием его застукала англичанка, которая обычно не выходила из-за стола, потому что была на седьмом месяце беременности. А тут вдруг выползла, ну и... В общем, его отчислили. Но он еще показал себя. Туалет в нашей школе был общим для школьников и педагогов, “педагогическая” часть отделялась лишь невысокой перегородкой. Так вот, он подкараулил момент, когда директор пошел в туалет, быстренько навалил на дощечку и, рассчитав угол падения и угол отражения, запустил этот маленький презент в потолок ровнехонько над директором. Попал...»

В Москву за славой, или Саратовский Везунок

Окончив 10 классов средней школы в 1953 году, Табаков надумал ехать в Москву учиться на артиста. По его словам: «Мне было и страшно, и интересно. Потом я очень сильно хотел быть артистом... На вокзале меня провожала довольно пестрая толпа “поклонников” — одноклассники, родственники. Было ощущение, что еду завоевывать мир. Кто-то из случайных прохожих-



Сцена из дипломного спектакля «Вишневый сад» А.П. Чехова.
Олег Табаков в роли Пети Трофимова,
Евгений Урбанский – Лопахина.
Третий выпуск студентов Школы-студии МХАТ
им. Вл.И. Немировича-Данченко. Руководитель – В.О. Топорков.
1957 год



знакомых крикнул: “Лелик, куда едешь?” Я прокричал в ответ: “Еду учиться на тракториста!” Думаю, что из всей моей саратовской родни только один человек молился за то, чтобы я не поступил — баба Аня. Желая мне добра...»

Стоит отметить, что наш герой ехал в столицу с рекомендательным письмом от своего родственника, но в итоге вынужден был поступать в вуз на свой страх и риск, имея за плечами только учебу в провинциальном драмкружке. Экзамены он держал сразу в два творческих вуза — ГИТИС и Школу-студию МХАТа.

На вступительном экзамене герой нашего рассказа решил прочитать большой кусок из романа С. Злобина «Степан Разин». В этом отрывке был клич, который ему очень нравился: «Сарынь на кичку!» И кричал его Табаков с таким вдохновением, что это впечатляло слушателей. Хотя, что такое «Сарынь» и что такое «кичка», Табаков доподлинно не знал. Более того, кичкой он считал некий предмет... женского туалета. Он ассоциировался у него с «кикой», которую носила сватья баба Бабариха.

Вторым отрывком он выбрал сцену из другого известного романа — «Молодая гвардия» А. Фадеева. Тот самый, где были слова: «...мама, мама, я помню руки твои с того самого мгновения, как стал осознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он был чуть-чуть темнее на жилочках. И как же я любил целовать тебя прямо в эти темные жилочки...» Когда он его читал, великая мхатовка Алла Тарасова расчувствовалась.

Далее Табаков читал «Изгнанника» К. Симонова («...нет больше Родины, нет неба, нет хлеба, нет воды — все взято!»), а под конец выдал фрагмент из повести Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына», где мальчик, идущий на задание бороться против фашистов, подходит к ставням своего дома и видит, как мама штопает что-то... И заливается слезами, но не может, не имеет права зайти, сказать ей: «Здравствуй, мама!»

Так вышло, что Табаков благополучно прошел отбор в оба вуза (кто-то из приятелей его тогда так и назвал: «Везунок»). Однако свой окончательный выбор наш герой остановил на Школе-студии. Хотя какое-то время долго не мог привыкнуть